

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА

Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию юбилею
государственной заповедной системы России,
30-летию государственного природного биосферного заповедника
«Саяно-Шушенский»,
15-летию государственного природного заповедника «Хакасский»

23–28 июля 2006 г.

Шушенское

Администрация Красноярского края
Управление Росприроднадзора по Красноярскому краю
Национальный фонд «Страна заповедная»
Ассоциация заповедников и национальных парков Алтае-Саянского экорегиона
Государственный природный биосферный заповедник «Саяно-Шушенский»
Государственный природный заповедник «Хакасский»
Национальный парк «Шушенский бор»
Красноярский государственный университет

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА

***Материалы международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию юбилею
государственной заповедной системы России,
30-летию государственного природного биосферного
заповедника «Саяно-Шушенский»,
15-летию государственного природного заповедника
«Хакасский»,
23 – 28 июля 2006 г.
Шушенское***

Абакан
2006

УДК 502.4
ББК 28.088л6
P326

**Печатается по решению научно-технического совета
Государственного природного биосферного заповедника «Саяно-Шушенский»**

Редакционная коллегия: **А. Г. Рассолов** – председатель;
В. А. Стахеев, кбн – ответственный редактор;
А. С. Золотых – ответственный секретарь;
Е. Е. Новоселова – технический редактор;
Е. Б. Андреева;
Е. С. Анкипович, кбн;
М. Г. Бондарь;
Б. П. Завацкий, кбн;
И. В. Калмыков;
А. П. Савченко, кбн, профессор;
Г. А. Соколов, дбн, профессор;
А. Е. Сонникова;
Л. Н. Стахеева;
В. П. Сторожев;
А. М. Хританков;
А. С. Шишкин, кбн, доцент.

Материалы конференции публикуются при финансовой поддержке ЗАО «Золотодобывающая компания «ПОЛЮС»» и Компании «РУСАЛ»

P 326 Региональные проблемы заповедного дела: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию государственной заповедной системы России, 30-летию государственного природного биосферного заповедника «Саяно-Шушенский», 15-летию государственного природного заповедника «Хакасский». 23–28 июля 2006 г. Шушенское / отв. ред. В. А. Стахеев; гос. природн. биосф. заповедник «Саяно-Шушенский». – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 328 с.

ISBN 5-7810-0383-5

В сборнике представлены материалы докладов международной научно-практической конференции «Региональные проблемы заповедного дела», посвященной 90-летию государственной заповедной системы России, 30-летию государственного природного биосферного заповедника «Саяно-Шушенский» и 15-летию государственного природного заповедника «Хакасский».

Сборник включает материалы 117 докладов. В них отражаются вопросы истории и перспектив заповедного дела в Алтае-Саянском экологическом регионе, природоохранной, научной и эколого-просветительской деятельности заповедников и других особо охраняемых природных территорий, оптимизации их региональной сети. Значительная часть статей посвящена научным исследованиям, их организации и результатам, значению особо охраняемых природных территорий в сохранении биологического разнообразия региона. Материалы сборника разделены на соответствующие разделы.

География статей сборника не ограничена рамками Алтае-Саянского экологического региона и охватывает другие районы Сибири, европейской части России, а также Республики Казахстан.

Материалы сборника могут представлять интерес для специалистов заповедного дела, органов государственной власти и местного самоуправления, всех работающих в сфере охраны природы, преподавателей, участников экологического движения.

УДК 502.4
ББК 28.088л6

В материалах сохранен авторский стиль.

По тропе вслед за Федором Шапошниковым. – В печати.

С именем Ирины неразрывно связаны слова «первая» и «впервые». Она первой начала зимние походы на территорию бассейна реки Чульча, где отсутствовали избушки. Ей впервые удалось доказать, что аргали (алтайский горный баран) не только зимуют на территории заповедника, но и размножаются. И таких примеров можно назвать множество. В этом человеке органично сочетались талантливый ученый, опытный полевик, самообытный художник и поэтическая натура. О незаурядности таланта говорят рисунки, выполненные Ириной Филус в различных техниках: акварель, тушь и пастель. Она всегда была полна идей. Когда в 1998 году из-за дефолта не состоялось строительство визит-центра в селе Артыбаш, директором которого Ирина была назначена, она не смирилась. Волей судьбы, а точнее годами дружбы и заботы о трех пенсионерах (Михаил Дмитриевич Холод, генерал-майор в отставке, его жена Лилия Юрьевна Жебровская, ученый-садовод, основательница промышленного садоводства на берегах Телецкого озера и ее мать Мильда Федоровна Жебровская), ей в наследство был подарен старый дом в селе Яйлю. Ирина решает создать в нем филиал визит-центра в заповеднике. «Лучше что-то, чем ничего», – говорила она. При этом задумала она не просто сделать выставку экспонатов, ее художественное и эстетическое воображение было выше этого, – она решила применить в будущем музее альтернативную таксидермию. Идею ей подсказала поездка в музеи Финляндии. Она занялась изготовлением деревянных скульптур птиц и раскрашивала их акварелью под натуральную окраску. В итоге начала формироваться коллекция орнитофауны заповедника, которая не требует химических методов сохранения и которая не боится прикосновения человеческих, особенно детских рук и, главное, никому не напоминает о гибели животного. Скульптуры были выполнены в натуральную величину и максимально приближены к естественной окраске и форме натуры. Профессиональный орнитолог, доцент кафедры зоологии, таксидермист, Николай Петрович Малков был просто в восхищении от этой коллекции и дал ее самую высокую оценку.

Ирина хотела использовать удачное расположение участка и создать коллекцию дикоросов с разных частей заповедника от высокогорья до берегов Телецкого озера. Да и сам дом, построенный в 1947 году, представлял собой историческую ценность. Решено было сохранить его основу, дополнив, утеплив стены и расширив полезную площадь за счет широкой теплой мансарды. В проекте принял участие профессиональный архитектор А. С. Пуртов из Горно-Алтайска. Ирина Адольфовна никогда не думала о коммерческой ценности проекта. По ее мнению, вход в будущий музей необходимо сделать бесплатным, а деньги должны поступать лишь от продажи сувениров, оплаты экскурсовода и других услуг. В доме планировалось разместить небольшую гостиницу для приезжих ученых, пожелавших работать с научными коллекциями и гербариями. Ирина занималась и этим. В последние годы она работала заведующей музейными коллекциями.

Вся жизнь и весь труд, вложенный Ириной Адольфовной Филус в пропаганду заповедного дела, не должны остаться в забвении.

© Митрофанов О. Б., 2006.

КАК МЫ ДВИГАЛИ ЗАПОВЕДНУЮ НАУКУ В 70-Х ГОДАХ

В. А. Яковлев

*Алтайский государственный природный заповедник
649164, Турочакский район, пос. Яйлю, Республика Алтай*

Первый раз я приехал в Алтайский заповедник в 1970 г., когда заканчивал учебу в Иркутском сельхозинституте; приехал на зоологическую практику. Заповедник находился тогда на стадии становления после череды открытий-закрываний. Штат был не укомплектован. Такие же, как я, молодые ребята, так же недавно приехавшие, образовали ядро научного отдела, руководил которым Эдуард Андреевич Ирисов. Мне показали его кабинет. За столом сидел плотный лысоватый человек и смотрел на меня пытливый взгляд, дескать, что это за фрукт явился. А я, орел-охотовед, объяснял ему, что приехал на практику, что проведу тут учеты животных и что вообще заповеднику со мной очень повезло. Он не возражал. Практика продолжалась около трех месяцев. За это время мы перезнакомились, ближе узнали друг друга. Но всему бывает конец. Учеты я провел, и пришло время уезжать. В последнюю ночь перед отъездом не спал совсем, ворочался на своей скрипучей раскладушке в общаге и думал. Это была ночь принятия серьезного решения, и я помню ее до сих пор. Еще в школе я зачитывался книжками про животных, про природу и говорил своим одноклассникам, что, наверно, буду работать в зоопарке. В старших классах узнал слово «заповедник», а после школы поступил учиться на охотоведа в Иркутский сельхозинститут. По окон-

чании мне светила должность в каком-нибудь коопзверопромхозе, что меня абсолютно не устраивало. Факультет охотоведения давал много полезных навыков своим студентам, в том числе и житейских, но сама охота и работа в охотничьем хозяйстве меня никогда не привлекали. А тут на четвертом курсе подвернулась эта практика в Алтайском заповеднике, которая все и решила. Утром я отправился к Эдуарду Андреевичу и попросил взять меня на работу после окончания учебы. И опять он не возражал. Через год, защитив диплом и пройдя двухмесячные армейские сборы, я приехал на Алтай. В октябре с последним рейсом ходившего тогда по Телецкому озеру туристского теплохода «Пионер Алтая» я прибыл в поселок Яйлю с рюкзаком и гитарой. На берегу встречали Ирисов, Стахеев, Баскаков и еще, кажется, Оля Шематонова. Встречали, разумеется, не меня, а последний теплоход, но на нем был я.

В поселке появились новые люди. Пока я доучивался, штат научного отдела уже укомплектовали. Меня взяли рабочим: красить стены в конторе, сколачивать скворечники и т. п., – и я был рад. Чем займусь в заповеднике, толком тогда не представлял, важным был уже сам факт, что меня приняли. Жить первое время пришлось на чердаке летней гостиницы заповедника вместе с лаборантом Алексеем Вишерским. Там на мансарде стояли четыре кровати и стол. В ноябре стало довольно зябко, и нам с Лехой приходилось укрываться матрасами с лишних коек. Случалось, что в открывшуюся ночью от ветра дверь до половины комнаты наметало снегу. Потом женатик Вишерскому дали квартиру, а мне – место в общежитии. Но это было потом, а прежде нас послали в январе на противоположную сторону озера: обслуживать северный склон метеопрофиля, где мы прожили месяц в охотничьей избушке.

Это тоже было потом, а пока в заповеднике продолжались организационные работы. Научный отдел вместе с начальником занимался ремонтом конторы, утрясались дела с жильем. Со временем Ирисов начал «подтягивать гайки» и напоминать, что ремонт – ремонт, а за науку тоже пора браться. А как за нее браться, мы, вчерашние студенты, толком не представляли. Разве что Валера Стахеев немного соображал. Он уже в студенчестве интересовался птицами и проходил практику под руководством Ирисова, а потом они вместе приехали в заповедник. Остальные, как мне казалось, были вроде меня, хотя каждому из них уже было известно, чем они здесь займутся. Юра Марин взялся за мелких млекопитающих – мышей, полевок и иже с ними. Крупные млекопитающие были поручены Саше Бешкареву; на птиц имелаась целая команда: Валера Стахеев, Володя Баскаков, Надя Круглова и сам Ирисов; рыбы и водные беспозвоночные оказались в ведении Саши Овчинникова. Ольгу Шематонову назначили географом, Лиду Марину ботаником. Самые проворные вчерашние студенты стали сразу старшими и младшими научными сотрудниками; кто чуть припозднился – лаборантами, ну а я, как самый последний – временным рабочим. Эдуард Андреевич предложил мне взяться за изучение земноводных и пресмыкающихся, оказавшихся на то время без присмотра. Я согласился и никогда потом об этом не жалел. Как выяснилось позже, это было не паханное поле. Жабы, лягушки, ящерицы и змеи, или одним словом, – гады, мало кого интересовали, и за все время работы в заповеднике у меня не было конкурентов не только здесь, но и вообще в Горном Алтае. По этой же причине не было разногласий и с начальником, который занимался прежде всего своими птицами, потом орнитологами и уже в третью очередь – остальными подчиненными.

Все в научном отделе, от рабочего до старшего научного сотрудника, имели «верхнее», как тогда говорили, образование, и требования ко всем в научном плане Ирисов предъявлял одинаковые, невзирая на должность. Первым делом, он велел всем предоставить программы работ. Потом постепенно приступили к самим работам, начали создавать стационары для постоянных наблюдений. Начало этому было положено еще в 1970 году, когда я находился на практике. Помню, как всем отделом затаскивали метеобудки вместе с их кривыми стальными «ногами» и кучей приборов по заросшим лесом крутякам на высоту полтора километра. С одной стороны, – это было довольно трудно физически, а с другой – достаточно весело в компании вчерашних студентов с богатым чувством юмора. Роптать никто не пытался. Во-первых, потому что почти все приехали сюда добровольно; во-вторых, все были «желторотыми» по сравнению со старшим по возрасту и уже тогда известным орнитологом Ирисовым, имевшим авторитет и кучу публикаций; в третьих, Эдуард Андреевич мог быть достаточно жестким в вопросах, касающихся работы. Особенно это чувствовали сотрудники и лаборанты-орнитологи, которых было четыре человека, и планы которых Ирисов корректировал сам. Давление со стороны начальника заметно угнетало их и вызывало некоторое недовольство, не поднимавшееся выше уровня междусобойных разговоров, но, как мне кажется, повлияло на более поздние отношения. На остальных Ирисов сильно не наезжал, и они работали по программам, которые составляли сами. В то же время общие для всех требования должны выполняться. Когда в отделе завелась пишущая машинка, отчеты и планы работ было велено представлять в напечатанном виде. Поводом к тому могли служить наши почерки. Например, у Юры Марина почерк напоминал кардиограмму умирающего – на почти прямой горизонтальной линии едва отслеживались всплески букв «б», «в», «р». Строчки Саши Овчинникова были по-

хожи на покосившийся деревенский плетень. Моя писанина – тоже не подарок, хотя самому все кажется понятным. Хороший почерк был у Володи Баскакова, Ольги Шематоновой, у Лиды Мариной. Однако исключений не было ни для кого: «Все в напечатанном виде!» Первое время подолгу сидели за машинкой, водили пальцами над клавиатурой в поисках нужной буквы. Потом – ничего, стало получаться. Позже ребята-герпетологи в Ленинграде после моей защиты, когда я для ускорения оформления всех документов сам взялся их печатать, удивлялись: «Где это ты так наловчился?» И я в очередной раз с благодарностью вспомнил Ирисова и его голос: «Все в напечатанном виде!»

Изучив зоологическую литературу, я понял, что герпетофауна Алтайского заповедника – это большое белое пятно, и именно мне доверено залатать эту прореху в советской науке. Вся имеющаяся информация заключалась в неполном, как выяснилось позднее, перечне видов, определенных в начале века известным тогдашним ученым А. М. Никольским по коллекциям П. Г. Игнатова, который в 1901 г. прошел с экспедицией вдоль Телецкого озера и по долине реки Чулышман. Позднее эти данные были обобщены в обзоре А. М. Колосова, опубликованном в первом выпуске Трудов Алтайского заповедника в 1938 г. На карте, приведенной этим автором, видно, что в 1876 г. территорию, занимаемую сейчас Алтайским заповедником, неплохо «прочесали» Финш и Брэм, но каких-либо сведений о гадах они нам не оставили. Согласитесь, что от этих цифр (я имею в виду годы) уже веет древностью. Кое-какие сведения я раскопал в рукописных отчетах сотрудников заповедника, П. Б. Юргенсона и Г. Д. Дулькейта, работавших здесь в 30-е годы. К сожалению, все эти бесценные рукописи вместе с другими уникальными документами архива сгорели в пожаре вместе с конторой заповедника в 1999 г. Кстати, с Георгием Джеймсовичем Дулькейтом нам с ребятами посчастливилось встретиться, когда он приезжал со своей женой в пос. Яйлю в 1973 г. А недавно пришло известие, что умер его сын Тигрий Георгиевич, приезжавший осенью 2002 г. на 70-летний юбилей Алтайского заповедника.

Итак, моей первоочередной задачей было проведение инвентаризации – выявление видового состава герпетофауны, изучение распространения и биотопического размещения отдельных видов амфибий и рептилий на заповедной территории. У других повестка дня была примерно такой же: всех интересовало, что мы имеем на сегодня, а потому не откладывая дела в долгий ящик мы уже в 1972 г. почти всем научным отделом отправились в свою первую экспедицию по заповеднику. Начать решили с самого дальнего угла – противоположного конца заповедника. Понятно, что решали не мы, а начальник. От поселка Яйлю, где тогда располагалась администрация заповедника, противоположный конец территории заповедника находится на расстоянии 250 км к юго-востоку, добирались мы туда кружным путем: на катере по Телецкому озеру до села Иогач; дальше на двух машинах через Турочак, Бийск по Чуйскому тракту до Акташа, потом до села Саратан. За Саратаном экспедицию встретили лесники заповедника с лошадьми, на которых мы и перегрузили с машины все вещи. Сами же отправились пешком. Через перевал Каратеш вьючный караван с лошадьми в поводу дошел до села Язула, а затем и до кордона с таким же названием. Дальнейший маршрут пролегал по реке Каракем через верховья рек Калбакая и Богояш мимо озер Макату к озеру Джулукуль, а затем вниз по Чулышману до Телецкого озера. В то лето мы облазили южную часть заповедника и прошли весь Чулышман от истока до устья. От устья Чулышмана до Яйлю добирались все на том же «Пионере Алтая».

Лазить по заповеднику нам понравилось, и мы стали совершать подобные выходы и в последующие годы. Правда, ходить стали разбиваясь на группы: кому какой район интереснее обследовать на данном этапе, а позднее – планировали индивидуальные маршруты. Экспедиция 1973 г. прошла по маршруту: кордон Чири – гора Колюшта – озеро Сундрук – река Сурьяза – правобережье реки Чульча – озеро Итыкуль – река Кумый – озера Узункуль, Яхансору, Ямангол – река Шавла – кордон Чодро – озеро Кулуколь – стоянка Тужар – урочище Катуюрык – село Балыкча – урочище Кырсай. Маршрут 1974 г. пролегал от устья реки Кыга через гору Кербе к перевалу Кысбажи и верховьям реки Эринат мимо озер Эльденгем и Сайгоныш; далее по хребту Ельбек-Тупар-Кыр (Как звучит!) к озеру Киячек (Сарыгол) и верховьям реки Энз (Кюнтюштуксу), берущей начало на хребте Куркуре; затем обратно к Чульче, по ее правому берегу до озера Итыкуль, через перевал Кызыл-Болхош и верховья Малого Абакана к источнику Абаканский Ключ, по реке Бедуй к перевалу Минор и по хребту Торот в поселок Яйлю.

Что касалось моей работы, то первоначальная цель – инвентаризация фауны – была в основном достигнута. В герпетологическом плане экспедиции 1972–1974 гг. дали общее представление о распределении амфибий и рептилий по территории Алтайского заповедника. Это была первая упорядоченная информация о земноводных и пресмыкающихся для данного региона. За три года экспедиций рекогносцировочными маршрутами общей протяженностью около 1500 км была охвачена значительная часть территории заповедника, собрана герпетологическая коллекция, пополнен список видов пресмыкающихся (в долине Чулышмана найдены степная гадюка и узорчатый полоз); обнаружены высокогорные популяции остромордой лягушки, которая нигде больше на

всем протяжении своего ареала от Западной Европы до Забайкалья не поднимается в горы выше 800 м. В заповеднике лягушка была найдена сначала на высоте 1700 метров, а позже в 1977 г. – на высоте 2140 м над ур. м. В то же время были намечены места, интересные и пригодные для сезонных и многолетних наблюдений за конкретными видами.

Не надо забывать, что все это время я оставался, как тогда говорили, «тыбиком» – ты бы пошел туда, ты бы сделал это. Хоть меня и перевели в декабре 1971 г. в лаборанты, но основной обязанностью оставалась помощь в работе научным сотрудникам. Какое-то время я был прикреплен к сотруднику-географу и два раза в неделю обслуживал северный и южный вертикальные профили: лазил по тем самым крутякам, куда мы затащили метеобудки в семидесятом, менял там ленты в приборах-самописцах, делал снегосъемку. Потом ловил мышей и копал ловчие канавки для с. н. с. Юры Марина, называя себя мысленно подмаренником (трава). А когда приходилось возить сотрудников на моторной лодке по Телецкому озеру, называл себя куликом-перевозчиком (птица). Скворечники мне тоже довелось делать, но все это было не в тягость, а кое-что (рытье канавок, навыки работы с метеоприборами) пригодилось потом и в своей работе, на которую тоже хватало времени.

К 1975 г. почти все в отделе уже что-то наработали и готовы были рискнуть и обнародовать свои достижения. Нас всех опубликовали в правдишной толстой книжке с длинным названием: «Охрана, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов Алтайского края». В содержании между такими тузами, как В. Н. Скалон, Б. С. Юдин, Г. Г. Собанский, четко читались фамилии Яковлев, Стахеев, Баскаков, Шилов, Овчинников. Ощущение было уникальное. Не знаю, как другие, а я «пошел вразнос»: хотелось печататься, печататься и печататься... Похоже, что остальные чувствовали нечто подобное и стали посылать свои статьи куда только можно. В свою очередь, это требовало новых данных, то есть активной работы. Появился дополнительный стимул «двигать науку». Кроме того, напирал Ирисов: «Кроме научных, каждый сотрудник должен опубликовать в год не менее двух научно-популярных статей об Алтайском заповеднике». И посыпались в «Звезду Алтая» и в «Алтайскую правду» сначала довольно корявые, а потом и вполне приличные статьи и заметки о жизни заповедника, за которые, как оказалось, еще и гонорар присылали. Деньги, правда, были небольшие – 3–8 рублей, но зато какво слово – ГОНОРАР. Эдуард Андреевич полушутя, полусерьезно приговаривал: «Пишите, ребята, копите деньги. Один мой знакомый на гонорары мотоцикл купил».

С чувством юмора у него было все в порядке. Беззлобные подтрунивания с его стороны, так же как и в его адрес, считались нормальными в отделе. Как-то раз 1 апреля наш гидробиолог Саша Овчинников подбил меня украсть у Ирисова барокамеру. Эдуард Андреевич интересовался в то время вопросами адаптации птиц к условиям высокогорий и работал с барокамерой. Она была самодельной и представляла собой большой толстостенный стальной ящик, взятый напрокат у начальника Телецкой озерной станции В. В. Селегея. Местные умельцы приварили к ящику трубку для откачки воздуха, дыру в центре одной из стенок заделали толстым плексом, сквозь который можно было наблюдать, что делается внутри. Во время работы в камеру запускались птицы и электронасосом постепенно откачивался воздух для имитации подъема на определенную высоту, которую показывал установленный внутри высотомер, снятый со старого «кукурузника». Вот эту тяжеленную бандуру 1 апреля мы с Овчинниковым не поленились утащить по узким лестницам старого здания конторы из лаборатории на чердак. Самым смешным было то, что Ирисов не заметил пропажи агрегата, когда вошел в лабораторию, и Саше Овчинникову пришлось приложить немало усилий, чтобы привлечь внимание начальника к этому факту. А потом нас уговорили сделать все как было. Текст был примерно такой: «Ребята, ну как же так? Мне сегодня вечером надо будет работать. Давайте как-то решим этот вопрос». Короче, понесли мы с Саней эту железяку обратно, и, поскольку первоапрельский энтузиазм уже прошел, нам она показалась еще тяжелее. А что было делать? Против начальника не попрешь.

У меня есть экспедиционная фотография, которую можно было бы назвать «Толстый и тонкий». На берегу озера Эдуард Андреевич позировал мне на пару со своим бывшим учеником и замечательным фотографом Колей Пономаревым. Оба в трусах. Коля, тощий, как швабра, втянул живот и щеки, а Ирисов, наоборот, выкатил живот и надул все, что можно. Вид забавный.

Вообще в экспедициях чувствовалось, что начальник наш в своей стихии. Он быстро находил выход из неординарных ситуаций, которые иногда случались. Помню, как-то на озере Джулукуль у меня на руке вздулся здоровенный фурункул. Я не знал, что с ним делать: то ли выдавить, то ли подождать, пока сам лопнет. К тому же, было больно, и это мешало работать. Ирисов быстро наложил мне спиртовой компресс, перевязал, как профессиональная медсестра, и через два дня все рассосалось. Он не упускал случая похвастаться тем, что у него руки хирурга, и легко просовывал ладонь в горлышко трехлитровой банки, чего никто из наших мужиков повторить не мог.

Что касается Саши Овчинникова, то 1 апреля всегда было для него праздником. Он никогда не упускал случая учудить что-нибудь в этот день. Помню, как-то накануне одного из дней смеха он

написал и развесил по деревне объявления о том, что 1 апреля в Яйлю привезут живых индеек на продажу. На всех птиц, естественно, не хватит, поэтому те, кому это особенно надо, должны пойти пешком на перевал и встретить машину с грузом там. Дороги тогда не было, и в Яйлю машины не спускались, а ближайшая лесовозная ветка заканчивалась по другую сторону перевала. Не знаю, пошел ли кто на перевал, но записываться в очередь и консультироваться к Овчинникову несколько человек подходило.

В 1976–1979 г. у меня появилась возможность проведения сезонных стационарных герпетологических работ в отдаленных от центральной усадьбы районах заповедника. К тому времени пожарные кукурузники были заменены на вертолеты МИ-2, в которых было целых шесть пассажирских мест, не то что в допотопных двухместных МИ-1, возивших в Яйлю почту в первые годы моей жизни здесь. Грех было этим не воспользоваться, и администрация заповедника заключила договор с Горно-Алтайским авиапредприятием и пожарниками, чтобы те при случае доставляли наших сотрудников в нужные места при облетах заповедной территории. Иногда специально заказывались грузовые вертолеты для доставки продуктов и стройматериалов на отдаленные кордоны. Сначала это были МИ-4 с бензиновым двигателем, а потом турбовинтовые керосинки МИ-8 – аппараты на все случаи жизни, которые исправно трудились в заповеднике до самой перестройки.

В мае–июле 1976 г. и в мае 1977 г. я провел наблюдения за размножением остромордой лягушки в урочище Таштумес в окрестностях кордона Язула на высоте 1660 м над уровнем моря, а в мае–августе 1977 г. – у озера Тетыколь и в его окрестностях на высотах 1860–2140 м над ур. м. На май–июнь 1979 г. пришлось работы на кордоне Чодро, где собирался материал по ящерицам и змеям этой части долины Чулышмана. В те же годы в Язулинском, Чодринском и Яйлинском лесничествах были заложены постоянные маршруты для учета прыткой и живородящей ящериц. В периоды сезонных стационарных работ с этой же целью закладывались временные маршруты. Такие наблюдения включали в себя и учет животных на разовых маршрутах. В ходе работ пополнялась герпетологическая коллекция. В качестве стационаров для многолетних наблюдений за размножением амфибий в Прителецком районе были выбраны небольшие водоемы в окрестностях поселка Яйлю, на противоположном берегу Телецкого озера у залива Карман и участок Камгинского залива. Здесь же в Яйлю с 1982 г. стали проводиться постоянные наблюдения за поведением обыкновенной гадюки в весенний период в месте зимовки змей у Глазного ключа в западной части поселка.

Хочется отдельно рассказать о тогдашних методах исследований. В целом все работы по изучению герпетофауны заповедника условно можно разделить на полевые и камеральные. К полевым можно отнести рекогносцировочные экспедиции и сезонные наблюдения, фенологические экскурсии, наблюдения на водоемах и стационарах, учеты, пополнение коллекции; к камеральным – работу с коллекционными материалами, ведение научной документации, обработку данных полевых работ и информации из дневников инспекторов отдела охраны (тогда их называли просто лесниками), подготовку соответствующего раздела для ежегодно выпускаемой книги «Летописи природы», обобщение многолетних данных и написание научных и научно-популярных статей. В последние годы к этому добавилось еще составление электронной базы данных.

Методика сбора, обработки, хранения и предоставления данных формировалась и совершенствовалась в процессе работы. С самого начала приходилось преодолевать определенные трудности, начиная с того, что в 1970-е г. в связи с отсутствием топографических карт местности при планировании полевых работ районы обследования и маршруты экспедиций обозначались лишь в общих чертах. Карты необходимого масштаба были строжайше засекречены, поэтому не оставалось ничего другого, как пользоваться самодельными схемами, вычерченными на кальке, зачастую не известно, с какого источника, и искаженными до неузнаваемости многократным копированием методом того же перечерчивания вручную. Кроме того, что подобные схемы нередко заводили в тупик в прямом смысле слова, они вносили еще и дополнительную терминологическую путаницу. Одни и те же участки местности (урочища, реки, горы и т. п.) обозначались на этих схемах под разными названиями, к которым в ходе полевых работ добавлялись новые, указываемые проводниками экспедиций и местными жителями. В то же время несколько речек или озер в разных частях заповедной территории и за ее пределами могли иметь одно и то же название типа «Карасу», «Узункуль», «Сайгоныш» и т. д. Все это затрудняло привязку результатов исследований к конкретному месту. В процессе работы картосхемы уточнялись прямо на месте. Изредка удавалось перечерчивать что-то с более точных схем, имевшихся у туристов. Нормальные топографические карты стали доступными только в 1990-х гг. В конце 90-х гг. появилась возможность более точной привязки к местности с помощью электронного спутникового прибора «GPS», а также возможность компьютерной обработки картографического материала с помощью программы «Arcview».

Материальное обеспечение экспедиций 1970-х годов осуществлялось главным образом за счет оборудования и приборов, имевшихся в то время в научном отделе заповедника. Благодаря деловым качествам зама по науке Э. А. Ирисова, на складе отдела имелось все необходимое, начиная с вьючных седел и переметных сум и заканчивая марлей и препаровальными иглами. За-

метную помощь сотрудникам заповедника метеоприборами оказывала в то время Телецкая озерная станция во главе с ее начальником В. В. Селегеем. К приборам, использовавшимся в герпетологических исследованиях, можно причислить термометры разного типа, наиболее удобным из которых оказался пращ-термометр ТМ-8, имеющий небольшие размеры, снабженный жестким деревянным или пластмассовым футляром и пригодный для измерения температуры воздуха, воды, кладок икры и т. п. Позднее, при сезонных наблюдениях на водоемах высокогорий и в ходе работ на стационарах для регистрации температуры воздуха применялись также суточные и недельные термографы-самописцы типа М-16А с часовым механизмом, вычерчивающие глицериновыми чернилами на специально разграфленной типографским способом бумажной ленте графики изменения температур. Примерная протяженность отрезков пути определялась при необходимости с помощью механического инерционного шагомера «Заря», внешне напоминавшего карманные часы и прикреплявшегося к поясу идущего по маршруту человека. Для определения абсолютной высоты местности использовался авиационный высотомер, работающий по барометрическому принципу и имеющий в связи с этим погрешности в показаниях, зависящих, кроме высоты местности, еще и от перепадов давления воздуха при смене погоды. Однако по тем временам это был очень ценный прибор, находивший постоянное применение при полевых работах в горных условиях заповедника. Себе я купил такой еще в Иркутске перед тем, как уехать на Алтай. Будучи на практике в заповеднике в 1970 г., я увидел аппарат, похожий на будильник советских времен, размером с банку из-под кофе у Э. А. Ирисова, и, вернувшись домой, стал наводить справки среди своих сокурсников по институту просто так, без всякой надежды. Однако, к моему удивлению, нашелся человек, который продал шагомер за пять рублей. Пять рублей при стипендии в сорок были, конечно, деньги, но вещь того стоила. Итак: часы, высотомер, шагомер, компас, термометр, небольшая стеклянная емкость для временного содержания отловленных экземпляров, штангенциркуль, металлическая линейка, сачок для отлова головастиков, длинный пинцет и ножницы, лупа, препаровальные иглы, складной нож, не нуждающийся в батарейках динамический фонарик «Жучок», отрезок марли, вата для морилок – все это входило в оперативный набор герпетолога, помещавшийся в офицерской полевой сумке, в которой имелся также планшет с картосхемой, несколько тетрадей и записных книжек, карандаши, ручки, калька для этикеток. В плане соблюдения техники безопасности при работе в полевых условиях в сумке находились также средства звуковой (свисток) и световой (фальшфейер) сигнализации, частый гребень для вычесывания клещей, залитые стеарином спички в герметичной упаковке и другие мелочи. Взвешивались «звери» на весах фотолобителя. Кроме полевой сумки при себе всегда были два фотоаппарата с черно-белой (для фотографий) и цветной (для слайдов) пленкой. Запасы формалина в большой канистре, рассчитанные на всех зоологов экспедиции, емкости для коллекционных материалов и другое объемное и тяжелое оборудование перевозилось на лошадях в кожаных арчемаках – переметных сумах, а особенно ценное оборудование и приборы – в специальных ящиках на вьючных седлах.

Порядок работы в экспедиционных условиях был предложен все тем же Ирисовым и корректировался затем естественным образом в зависимости от обстоятельств и требований конкретной ситуации. Порядок этот устраивал всех и состоял в чередовании дней переходов с днями стоянки и обследования районов, интересных с точки зрения участников экспедиций – в основном зоологов и географов. Герпетологические наблюдения заключались в регистрации всех встреч земноводных и пресмыкающихся и в сборе коллекции. Отловленные экземпляры измерялись и описывались по стандартным методикам, этикетировались, консервировались в четырехпроцентном растворе формалина и укладывались в бытовые стеклянные банки с капроновой пробкой, перевозимые в переметных сумах. Позднее стеклянные банки использовались для хранения коллекций в стационарных условиях лаборатории. Для полевых работ стали применяться появившиеся к тому времени капроновые емкости с герметичной крышкой объемом 0,5–2,0 л, более надежные и удобные в эксплуатации. Содержимое желудков амфибий и ящериц (беспозвоночные) фиксировалось отдельно в 70% растворе спирта в стеклянных пузырьках из-под пенициллина под резиновой пробкой, прижатой к горлышку изолентой. Пузырьки хранились в специальной собственноручно изготовленной коробке с картонными ячейками под каждый пузырек и выдерживали даже такие нагрузки, как падение лошади с грузом. Емкости с коллекционным материалом заливались консервирующей жидкостью до верха. В противном случае, как показал опыт, после многокилометровых перевозок во вьюке все превращалось в «компот» – экспонаты приходили в полную негодность. Сбор коллекций и регистрация встреч животных сопровождалась соответствующими записями в полевом дневнике. Целенаправленный сбор коллекции земноводных и пресмыкающихся осуществлялся в основном только в период инвентаризации герпетофауны заповедника. Позднее акцент был перенесен на изучение экологии животных, а основное внимание сосредоточено на мониторинговых формах наблюдений, более соответствующих статусу заповедной территории.

Камеральные работы заключались в основном в обработке коллекционного материала, в работе с научной документацией и в составлении базы данных. «База» представляла собой самодель-

ные длинные деревянные ящики с карточками наблюдений разного рода. Что касается методов обработки собранных данных, то в 70-е гг. прошлого века это было что-то. В условиях центральной усадьбы заповедника – поселка Яйлю, расположенного в горной тайге вдали от населенных пунктов и средств коммуникации, – статистическая обработка цифрового материала (морфологические замеры животных, расчеты индексов, промеры коллекционных выборок) осуществлялась вручную с помощью карандаша и бумаги. Определение стандартного отклонения данных одной выборки по формуле занимало около двух часов рабочего времени и требовало расхода бумаги в объеме половины ученической тетради. Появление во второй половине семидесятых годов электронных калькуляторов с автономным питанием, а затем и калькуляторов со встроенной программой статистической обработки значительно упростило эту задачу. Первая «машинка», как мы их тогда называли, появилась у Юры Марина. У него был значительный цифровой материал, так как он переловил большое количество мышей. У Юры машинка была заграничная, кажется, японская. Я же, будучи как-то в Ленинграде по делам своей аспирантуры, приобрел себе карманную электронно-вычислительную машину «Электроника» советского производства. Карманной ее можно было назвать условно, но в руке она помещалась. Вернувшись домой, конечно же, похвастался перед коллегами. Валера Стахеев отнесся к «коробочке» с горящими в окошечке зелеными циферками с недоверием и даже пытался уличить ее во лжи, проверяя показания аппарата с карандашом и бумагой, но советская электроника не подвела. Кормилась она от четырех пальчиковых батареек, которых хватало часа на полтора работы. Был и адаптер для питания от сети, но в Яйлинской сети электричество подавалось только утром и вечером. Поэтому я соорудил самодельный блок питания, отрезав кусок трубки нужной длины от дюралевого лодочного весла и затолкав в нее четыре большие круглые батарейки типа «Марс». Получилось что-то вроде тогдашнего китайского фонарика, только без лампочки, на место которой я припаял кусок кабеля, отрезав его от родного блока питания калькулятора. Все вышло как надо и работало замечательно. Аппарат функционировал достаточно долго, да и батарейки не были в дефиците.

Кроме собственных данных в камеральных условиях велась и обработка информации фенологического плана. Основным ее источником до конца 80-х гг. были сведения, поступающие от лесников-наблюдателей заповедника со всех его кордонов в виде регулярно сдававшихся в научный отдел дневников наблюдений, заполненных фенологических бланков «Весна», «Лето», «Осень» и карточек разовых наблюдений. Система обязательного ведения дневников работниками лесного отдела позволяла охватывать наблюдениями значительную часть заповедной территории и иметь регулярную пригодную для сравнительного анализа информацию из конкретных пунктов. В настоящее время этот достаточно эффективный для больших территорий метод сбора данных в Алтайском заповеднике практически сведен к нулю; фенологические наблюдения проводятся только в Прителецком районе в крайне усеченном виде. А в те времена каждому леснику в начале года выдавалась целая папка различных бланков и чистый изготовленный типографским способом «Дневник наблюдений» объемом с толстую общую тетрадь для ежедневной записи в нем всего того, что удастся увидеть в природе. Спрашивали тогда строго, поэтому научную документацию с большей или меньшей охотой вели все лесники. Были среди них и очень старательные, заполнявшие не по одному, а по три дневника; были и такие, кто писал, лишь бы отделаться, но так или иначе информация постепенно накапливалась. В ходе ее обработки, наряду с другими данными, отбирались сведения о первых встречах амфибий и рептилий в активном состоянии весной и последних встречах осенью, на основании чего делались выводы о продолжительности периодов их сезонной активности. Данные обрабатывались дифференцированно: отдельно по каждому лесничеству, а при возможности, и по каждому конкретному пункту наблюдений, что позволяло судить о различиях в фенологии каждого вида в разных районах заповедника и на разных высотах. Сравнение многолетних данных давало информацию о продолжительности активного периода в жизни земноводных и пресмыкающихся за ряд лет и об изменениях в их фенологии в зависимости от условий конкретного года.

Хочется отметить, что в те времена, и особенно в 70-е гг., когда отношения между людьми в городе не были товарно-денежными, как сейчас, на селе это было заметно особенно. В городе в 17:00 все разбегаются по домам. В деревне же особо не разбежишься. И на работе, и после видишь одни и те же лица; работа и быт переплетены намертво. И почему-то это не надоедало. Люди друг друга не опасались; двери домов в Яйлю никто не запирали на замки: прислонят палочку к двери, и всем понятно, что хозяев нет дома, а то и без палочки обходились. Мы постоянно ходили друг к другу в гости, собирались по вечерам, ну а в праздники – тем более. Праздники нередко отмечались у Ирисовых. Там встречали Новый год, «обмывали» кандидатскую диссертацию Эдуарда Андреевича, его сорокалетие. Мне нравилось, когда Ирисов, Шилов, Стахеев и Баскаков запевали про Русь, затерявшуюся в Мордве и Чуди, и честно признавались, что готовы поддержать Есенина в его намерении «замочить» кого-то под осенний свист. Женщины подпевали. Было здорово. Чувствовалась общая расположенность всех друг к другу. Иногда возникали споры, в основ-

ном на орнитологические темы, обсуждались общие дела. Тут Ирисов не изображал из себя начальника, и коллеги-лаборанты, расслабившись после третьей «с прицепом» рюмки, могли дискутировать с ним и напирать, отстаивая свою точку зрения, без всяких последствий.

Около десяти лет продержался наш первый научный отдел в одном составе. Потом постепенно начали разъезжаться, в основном из-за того, что подошло время отдавать детей в школу, а нормальной школы в поселке Яйлю тогда не было. Ирисовы (Эдуард Андреевич женился на Наде Кругловой, и у них родилась дочь) уехали одними из первых, если не считать Сашу Бешкарева. Сашина жена не захотела жить в такой «дыре», и в феврале 1972 г. он отбыл в Печоро-Ильчский заповедник, где директором был их родственник Мегалинский. Жена уехала еще раньше. В начале 1980 г. Валере Стахееву предложили должность заместителя директора по науке в Саяно-Шушенском заповеднике, и он, конечно же, не отказался. В конце января мы «обмывали» отъезд Стахеевых (Валера женился на Любе Болгаринной, и у них родился сын). Володя Шилов и Оля Шематонова (они поженились, и у них родилась дочь) уехали, кажется, в Хакасию, еще до Стахеевых. Насколько мне известно, сейчас они живут в маленьком поселке в Вологодской области. Володи Баскакова с женой тоже не видно на фотографиях проводов Стахеевых, значит к тому времени их в Яйлю уже не было. Они уехали работать в Байкальский заповедник. Юра и Лида Марины с дочерью покинули Яйлю чуть позже Стахеевых. Юрий Федорович был принят замом по науке в Висимский заповедник на Урале. Лида к тому времени закончила заочную аспирантуру в Ленинграде и уже защитила кандидатскую диссертацию. Но перед этим мы с Юрой успели устроить уже уехавшему тогда Саше Овчинникову маленькую первоапрельскую подлянку. В конторе в лаборатории на спинке стула долгое время висел какой-то старый пиджак. Он был ничей, и мы с Юрой послали его почтой наложенным платежом в пять рублей Овчинникову в Саратов, а в обратном адресе написали фамилию нашего нового зама по науке, А. И. Олигера. Получилось так, что телеграфный перевод от Саши пришел Олигеру точно первого апреля, то есть наш «подарок» бывший коллега Овчинников получил тоже в срок. Алексей Иванович ходил потом, какое-то время, и спрашивал у всех: «Ребята, вы не знаете, что нужно купить на эти деньги Александру Васильевичу?» Потом Овчинниковы куда-то переехали, и никаких вестей от них больше не поступало. С другими же общение сводилось к редким письмам и обмену поздравительными открытками к Новому году. Как-то в одном из писем Эдуард Андреевич пообещал приехать летом в гости, но так и не собрался. Потом пару раз встречались на конференциях, а в апреле 1995 г. пришло неожиданное известие о его смерти. Какое-то время я активно переписывался со Стахеевыми. У нас был и особый повод: Люба, я и Тамара Семеновна Селегей – жена начальника Телецкой Озерной станции В. В. Селегей, родились в один и тот же день, хотя и в разные годы. Пока они жили в Яйлю, мы ежегодно собирались вместе 14 января и устраивали групповое мероприятие. После их отъезда мы с Любой поздравляли друг друга каждый год открытками, телеграммами, а один раз мы с Алексеем Борисовичем Вишерским – в то время уже инженером Алтайского управления мелиорации – приехали сюрпризом в Шушенское и поздравили именинницу живьем. Со временем наша переписка с Любой сократилась до телеграммной версии, а после 50-летнего юбилея и вообще прекратилась. Я подумал, что не стоит напоминать женщине о ее возрасте, хотя, судя по юбилейной фотографии, Любовь Николаевна до сих пор выглядит просто замечательно.

© Яковлев В. А., 2006.